

Слова Чжансунь Шэна были правдой, таблетки юлу действительно оказались чрезвычайно эффективны. Шэнь Цяо проглотил сразу две. Некоторое время спустя, в сочетании с истинной ци Стратегии Багрового Яна, циркулирующей по его телу, его меридианы постепенно начали приходить в норму. Тупая боль в груди утихала, теперь ему было значительно легче говорить, нежели раньше.

Шэнь Цяо попрощался с Чжансунь Шэном и Доу И, затем помог Юйвэнь Суну забраться на лошадь. Чтобы дать Юйвэнь Суну немного времени привыкнуть, он намеренно замедлил ход, и оглянулся, чтобы посмотреть на город.

Чанъань стоял высокий и величественный, казавшийся огромным и бесконечным, как и в прошлом; он пережил пламя войны и до сих пор стоит непоколебимо, несмотря на то, что за последние тысячи лет люди и династии изменились. К сожалению, даже трагедия неправомерной смерти Юйвэнь Сяня, вызванная несправедливостью, скорее всего, будет забыта в течение нескольких лет.

Доу Янь держала отца за руку. Она смотрела на них, не мигая, после чего не удержалась и крикнула:

— Даоцзунь Шэнь, будьте осторожны. Юйвэнь Сун, береги себя!

Шэнь Цяо улыбнулся Доу Янь, но заметил, что Юйвэнь Сун, сидевший перед ним, не произнес ни одного слова.

— Ты хочешь еще раз взглянуть на Чанъань? После того, как мы уедем, неизвестно, когда мы сможем вернуться.

Юйвэнь Сун мгновение молчал, а затем ответил:

— Это место... если я взгляну, это только вызовет еще большее чувство печали. Я ненавижу то, что я бессилён, неспособен что-либо сделать, кроме как смотреть, как мои родители страдают от несправедливости.

Несмотря на то, что он был моложе Ши У, его манера говорить напоминала манеру человека зрелого не по годам. Ши У без конца плакал в тот день, когда потерял своего учителя. Хотя Юйвэнь Сун плакал в поместье Су, сейчас его голос звучал хрипло и глухо, но он все еще говорил четко и ясно. Он был сильнее Ши У. Думая об этом, возможно, все дети из благородных семей были такими. Например, Доу Янь: несмотря на то, что она находилась в опасной ситуации, Доу Янь не паниковала и не сопротивлялась, когда ее держал в объятиях Шэнь Цяо. Таким образом, Шэнь Цяо мог сосредоточиться на борьбе с врагом.

Шэнь Цяо погладил его по макушке.

— Тебе не следует так думать. У твоего отца была возможность выбрать легкий путь и отступить, но он все равно решил остаться. Отчасти потому, что он не хотел, чтобы твоя мать и братья столкнулись с опасностью в одиночку, но также и для того, чтобы показать свою невиновность и преданность Императору и, особенно, всему миру. Возможно, другие не смогут этого понять, но как его сын, ты должен быть в состоянии понять его, верно?

Юйвэнь Сун кивнул в знак согласия. Через некоторое время он прошептал:

— На самом деле, отец уже договорился о том, чтобы мама и остальные ушли тайно, но мама не хотела оставлять его одного в этой опасной ситуации. Мои старшие братья тоже отказались уезжать. Так как я самый младший, меня насильно забрал Янь Ин.

— Верно. В течение жизни каждый человек столкнется с выбором, который он должен сделать. Некоторые люди предпочитают сохранить свою собственную жизнь любой ценой, в то время как другие готовы пожертвовать жизнью, чтобы сохранить свою репутацию и заявить о своей невиновности. Мы не должны винить их, так как только в невзгодах проявляется истинное «я» человека. У вана Ци было так много людей, готовых тайно помочь ему, даже семья Су собиралась выступить в его защиту перед Императором. Очевидно, что моральный облик и честность вана Ци были хорошо известны всем. Таким образом, никакая клевета не приведет его к падению. Теперь, когда на меня возложена ответственность, я должен убедиться, что ты попадешь в надежные руки. Есть ли у тебя родственники, у которых ты хотел бы остаться?

Первоначально он планировал отвезти Юйвэнь Суна в секту Бишан на горе Тайшань. Однако он видел, что, хотя этот ребенок был молод, у него развилась манера независимого мышления. Поэтому Шэнь Цяо изменил свои первоначальные планы и вместо этого спросил мнение Юйвэнь Суна по этому вопросу, не желая принимать решение вместо него.

Юйвэнь Сун покачал головой.

— Родственники семьи Юйвэнь — члены королевской семьи. Даже если бы кто-то захотел взять меня к себе, это только навлекло бы на них подозрения, потому что меня все еще разыскивают. Теперь, когда Юйвэнь Юнь убил моего отца и три других уважаемых благородных семьи, он не постеснялся бы убить еще больше людей, чтобы продемонстрировать свою власть. Даочжан Шэнь, куда бы вы ни пошли, я последую за вами.

— Хорошо. В таком случае, мы пойдем в секту Бишан.

— Где находится секта Бишан?

— На горе Тайшань.

Как и ожидалось, интерес Юйвэнь Суна возрос.

— Тайшань, самая высокая из Пяти Священных гор?

Шэнь Цяо улыбнулся и ответил:

— Именно. Тайшань окружена бесконечной горной цепью, венчающей небеса. Розовые облака на восходе солнца необычайно красивы; если ты сможешь увидеть это своими глазами, то не пожалеешь об этом.

Юйвэнь Сун был еще молод, поэтому его внимание быстро переключалось. Несмотря на то, что он был убит горем, услышав описание Шэнь Цяо, выражение его лица сразу же наполнилось предвкушением.

Юйвэнь Юнь всегда завидовал и боялся репутации и славы Юйвэнь Сяня. Чтобы избежать потери сна по ночам из-за беспокойства, он приказал своим людям осадить резиденцию вана Ци, вынудив Юйвэнь Сяня сбежать и спрятаться. Свидетели неверно оценили произошедшее и предположили, что Юйвэнь Юнь еще не хотел совершать убийство, и, таким образом, ослабили свою бдительность. Кто бы мог ожидать, что Юйвэнь Юнь внезапно начнет атаку и заставит Мужун Циня убить своего собственного дядю? Вместо того, чтобы жить и страдать от стыда и унижения, члены резиденции вана Ци предпочли покончить с собой в присутствии посланника.

Когда новость об этом событии распространилась, все были ошеломлены и потрясены, оплакивая Юйвэнь Сяня. Вскоре они собрались и объявили импичмент посланникам императора, а именно Чэнь Гуну и ему подобным, но в то же время они косвенно указывали пальцами на Императора. Были и другие, которые действовали из тени, отвлекая императора настолько, что он не смог послать людей за пределы города, чтобы преследовать Шэнь Цяо и Юйвэнь Суна.

В результате Шэнь Цяо удалось вывезти Юйвэнь Суна из Чанъаня без малейшего следа преследования.

Что касается людей из секты Хэчуань, Шэнь Цяо убил двух их старейшин, и теперь между ними была вражда и долг крови. Даже без этого инцидента было время, когда Сан Цзинсин заставил Шэнь Цяо уничтожить свои боевые искусства, из-за чего Сан Цзинсин получил серьезные травмы. Основы этой горькой обиды были заложены давно. Таким образом, временная безопасность не означала, что так будет длиться вечно.

Хотя Шэнь Цяо в настоящее время был ранен, его боевые способности намного превысили тот уровень, что был в прошлом. Пока нападавшими не являлись ни Сан Цзинсин, ни Юань Сюсю, Шэнь Цяо мог легко справиться с врагом и защитить Юйвэнь Суна. Поэтому, когда они прибыли в Хэчжоу, он замедлил темп и уклонился от прямого пути к секте Бишан. Вместо этого он выбрал путь на юг не только для того, чтобы дать себе время оправиться от ран, но и для того, чтобы отвезти Юйвэнь Суна куда-нибудь отдохнуть.

Их дорога на юг продолжалась более трех месяцев, они путешествовали и отдыхали с

перерывами. Как только они вошли в город, они стали искать даосский храм, чтобы найти убежище. Шэнь Цяо брал Юйвэнь Суна на прогулки, чтобы расширить его кругозор, позволив ему насладиться местными пейзажами. Вместе они прогуливались по оживленным улицам и маленьким переулкам и наблюдали за происходящим на городских рынках. Это было похоже на старую поговорку: «Превратности жизни имеют свой собственный истинный смысл, и в путях мира заложено много истин и причин. Есть три тысячи способов достичь «Дао», но даже если формы сильно различаются, они все равно по сути одинаковы». Чем больше Шэнь Цяо видит, тем более отзывчивым становится его сердце, что также помогает совершенствованию его боевых искусств.

Его нынешнее «я» сильно отличалось от прежнего главы секты, который находился в тяжелом положении, пережив предательство на горе Сюаньду. Даже после того, как он покатался в красной пыли светского мира, он не только остался не запятанным, но, казалось, даже стал еще выше всего этого.

С его иссиня-черными волосами и голубой одеждой, длинным мечом, который он носил с собой, и его сияющими и блестящими чертами лица, он был таким же ярким, как луна, и таким же красивым, как бессмертный среди смертных. Он излучал неуловимую ауру благородной чистоты и воздержания, которая заставляла других чувствовать себя недостойными приближаться к нему, способными оценить его только издалека.

Благодаря этому путешествию Юйвэнь Сун смог облегчить своей горе. В таком юном возрасте, переживая длительные периоды депрессивных эмоций, человек может умереть преждевременной смертью. Шэнь Цяо помнил об этом и, таким образом, постарался отвлечь Юйвэнь Суна от мрачных мыслей. Он хотел позволить Юйвэнь Суну больше видеть и думать, чтобы расширить разум и горизонты.

— Этот даос пришел как нельзя кстати. Сегодня празднование шестидесятилетия гуна Хуан. Все дворяне в городе пришли, чтобы отпраздновать его долголетие. Если вы двое планировали подняться на гору, почему бы не отложить это до завтра? Было бы обидно пропустить банкет по случаю дня рождения!

После того, как они прибыли к границам Жунаня, Шэнь Цяо привел Юйвэнь Суна в гостиницу. Хозяин гостиницы заметил, что эти двое не были местными жителями, и поэтому предложил представиться.

— Гун Хуан? - естественно, Шэнь Цяо не смог установить личность этого человека только по имени.

— Да, да. Настоящее имя гуна Хуан — Сидео. Он знаменит в этом городе. Говорят, что, будь то в интеллектуальных или академических кругах или в цзянху, он довольно хорошо известен. Этот молодой человек не утверждает, что много знает, но репутация и слава старого мастера Хуана подобны грому, ударяющему в уши. Этот старейшина чрезвычайно гостеприимен; даже без предварительного приглашения любой желающий может зайти к нему выпить. Я слышал, что знаменитый игрок юэцинь, гуна Ду, будет играть на сегодняшнем банкете. Услышав об этом, многие люди планировали посетить мероприятие. Даже если они не смогут войти в его

резиденцию, они все равно смогут насладиться музыкой издалека.

Хозяин гостиницы продолжал болтать. Шэнь Цяо вспомнил, как Янь Уши ранее упоминал имя Хуан Сидао. Говорили, что этот человек происходил из знатной семьи в Жунане. Он был искусен в музыке и в равной степени преуспел в боевых искусствах. Из-за происхождения его семьи он никогда полностью не считался человеком цзянху.

Янь Уши обычно не обращал внимания на людей, чьи навыки в боевых искусствах были низкими. Однако этот человек мог наполнить свою музыку холодной и убийственной энергией, но в то же время играть с такой гармонией, которая могла заставить сотни птиц остановиться и прислушаться. У него было некоторое сходство с главой секты Фацзин Гуан Линсанем. В то время как навыки Хуан Сидао в боевых искусствах были ниже, чем у Гуан Линсяня, его мастерство в музыке превосходило мастерство Гуан Линсяня. По этой причине Янь Уши мимоходом упомянул имя Хуан Сидао, говоря о Гуан Линсане.

Глаза Юйвэнь Суна сверкнули, когда он потянул Шэнь Цяо за уголок рукава. Шэнь Цяо наклонился, и Юйвэнь Сун прошептал:

— Знаменитый мастер юэцинъ, о котором он говорит, я видел его раньше. Его зовут Ду Юн. Однажды он выступал во дворце, и действительно, прекрасные звуки его музыки еще долго звучали и отражались от стен дворца.

— Ты хотел бы послушать, как он играет?

Выражение лица Юйвэнь Суна было нетерпеливым.

— А можно?

Шэнь Цяо слегка улыбнулся.

— Конечно, можно. Поскольку Хуан-гун гостеприимный человек, я думаю, что он не будет особо заботиться о присутствии двух незваных гостей.

Гостиница, в которой они остановились, находилась недалеко от резиденции Хуан. Когда они прибыли, мужчина, одетый в униформу домоправителя, стоял у входа, лично приветствуя гостей.

Когда он увидел Шэнь Цяо, идущего с Юйвэнь Суном, он послушно спросил имя этого человека. Чтобы избежать неприятностей, Шэнь Цяо решил использовать псевдоним.

— Этот Шань Цяоцзы, странствующий даос, услышал о дне рождения Хуан-гуна, поэтому пришел выразить свои поздравления.

Прибыть с пустыми руками было бы слишком грубо, поэтому Шэнь Цяо купил небольшой подарок по дороге, который Юйвэнь Сун передал мужчине.

Такой маленький подарок мало что значил для домоправителя. На самом деле, многие из присутствующих сегодня в резиденции Хуан были там только для того, чтобы бесплатно поесть и выпить. Резиденция Хуан была достаточно процветающей, чтобы ее не беспокоило подобное поведение. Тем не менее, они рассадили всех гостей в соответствии с их статусом — у жителей цзянху была своя отдельная зона, и у выдающихся ученых также были свои места.

Домоправителя резиденцией Хуан встречался со многими людьми из всех слоев общества и обладал хорошо натренированным, проницательным взглядом. Когда он увидел длинную сумку, перекинутую через спину Шэнь Цяо, по форме напоминающую скрытое оружие, он стал особенно осторожен.

— Могу я спросить, является ли этот даожэнь человеком цзянху?

Шэнь Цяо покачал головой.

— Я знаю только некоторые элементарные навыки боевых искусств. Я не могу считаться человеком цзянху.

Домоправитель обратил внимание на выдающееся поведение Шэнь Цяо и не осмелился причислить его к обычным людям. То же самое относилось и к Юйвэнь Суну, который был довольно молод, но такой же спокойный и красивый. Мужчина немедленно приказал кому-то привести их в то место, где сидели ученые.

Шэнь Цяо не был знаком с остальными присутствующими на банкете. Однако из-за мягкого темперамента и дружелюбных манер Шэнь Цяо, когда остальные увидели, что он был одет как даосский священник, они не смогли удержаться, чтобы не задать ему вопросы об иллюзиях в даосизме. После одной или двух таких встреч Шэнь Цяо постепенно привык к окружению. Он также узнал, что они были престижными учеными в городе, а некоторые даже пользовались известностью в литературном сообществе, и что они присутствовали на этом банкете из-за музыкального выступления Ду Юня, которого они очень уважали.

Еще не все гости прибыли, поэтому хозяин продолжал приветствовать гостей. Толпа тихо болтала между собой, устанавливая дружеские связи друг с другом. Атмосфера была оживленной и несколько шумной. Юйвэнь Сун внимательно слушал разговоры о музыкальном искусстве. Шэнь Цяо невольно поднял голову и краем глаза заметил знакомую фигуру.

Этот человек оказался слишком ему знаком, поэтому Шэнь Цяо удивленно выдохнул:

— А?

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/14532/1287383>